

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цвсток счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские капикулы
Большая двсочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Провсрка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭНН СТЮАРТ

Чистые сердца

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С88

Anne Stuart
RITUAL SINS

© Anne Stuart Ohlrogge, 1998

Ранее книга выходила под названием «Блаженство греха»

Перевод с английского С. Самуйлова

Художественное оформление С. Власова

Стюарт, Энн.
С88 Чистые сердца / Энн Стюарт ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-83775-5

Рэчел Коннери лишается многомиллионного наследства — ее мать завещала состояние общественной организации. Перед смертью женщина вступила в общину «Фонд Бытия», последователи которой ищут гармонию и исцеление вдали от мирской суеты, организовав коммуну в Нью-Мехико. Девушка приезжает в коммуну и бросает вызов ее главе — харизматичному и сексуальному Люку Барделу. Она — наивная жертва, он — опытный искуситель. Кажется бы, исход противостояния предопределен, но очень скоро им придется поменяться ролями, и тогда посмотрим, кто кого...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С.Н., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

ISBN 978-5-699-83775-5

*Барбаре Кейлер и Джудит Арнольд —
двум моим ближайшим подругам.
Ричи, которая помогает мне
оставаться в добром здравии.
Морин Уолтерс и Сьюзен Джеймс,
которые так хорошо обо мне заботятся.*

Вместо эпиграфа

Он был слишком близко. Его тихий голос завораживал.

— Закрой глаза. Не противься мне. Расслабься. Ничего плохого не случится, я обещаю. Просто прислонись к стене и ни о чем не думай.

Соблазн был слишком велик. И ей хотелось, боже, как же ей хотелось поддаться обольщению. Она закрыла глаза; ее воля оказалась бессильной перед этим вкрадчивым, сладким голосом.

— Здесь мир и покой. Здесь не нужно ни с кем воевать. Жизнь была для тебя схваткой, но теперь тебе не нужно больше драться. Расслабься. Не сопротивляйся. Уступи. Нельзя выиграть все сражения. Нельзя победить всех драконов. Предоставь это кому-нибудь другому. Хотя бы раз.

Сильнее слов действовал сам тон голоса. Рэчел чувствовала, как теряет связь с реальностью, как соскальзывает куда-то, туда, куда зовет голос, как звенит, пульсируя желанием, кожа.

— Все возможно, Рэчел. Не будет больше страха. Не будет злости и гнева. Нужно лишь рас-

слабиться. Чувствуешь? Покой растекается по телу...

Она не могла открыть глаза. Не могла сопротивляться его чарам. Не могла ни говорить, ни двигаться. Он поймал ее в ловушку чувственной паутины, вырваться из которой у нее не было ни малейшего желания.

— Так что, Рэчел? Я овладел тобой? Ты моя душой и телом?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санта-Долорес, Нью-Мехико

Глава 1

Рэчел Коннери не имела ни малейшего желания находиться в этом месте. К двадцати девяти годам она уже решила для себя, что никогда не станет делать что-либо против своей воли и всегда будет оставлять за собой право выбора. Впрочем, хмуро напомнила себе Рэчел, здесь она потому, что сама так решила. Просто в данном случае пришлось принять решение, которое не нравилось ей самой.

Такси остановилось перед Санта-Долорес, поселком, где обосновался «Фонд Бытия». Раскинувшийся в семнадцати милях от Альбукерке, под жарким солнцем Нью-Мехико, он выглядел средоточием мира и покоя, прибежищем желающих посвятить себя медитации, ищущих просветления. Кроме того, в поселке имелся хоспис для тех, чьи дни уже сочтены.

И здесь, за этими стенами, искала духовного прозрения мать Рэчел. Здесь она и умерла.

Таксист открыл дверцу. Рэчел вышла и, окинув сердитым взглядом поселок, смахнула с шелкового костюма воображаемую пылинку. Да, она приехала сюда вопреки желанию. И *они* это знали.

— Дальше я сама, — сказала Рэчел и, щедро расплатившись, взяла из машины свой кожаный дорожный чемодан.

— Благословенна будь, — пробормотал он.

— Что?

— Вы ведь одна из них, из Народа Люка? — Таксист на мгновение смутился, но на всякий случай — если пассажирке вдруг вздумается востребовать их назад — зажал денежки в кулаке.

— Нет, — коротко ответила Рэчел. — Я не из них. — И, повернувшись, решительно направилась к красивым кованым воротам, стуча высокими каблучками по пыльной дороге.

Они называли себя Народом Люка. До сих пор ей удавалось не думать об этом, но нельзя же вечно прятаться от того, с чем не желаешь мириться. Она не встречалась с этим человеком, лишь видела однажды издалека, но даже там, в переполненном зале суда, ощутила прикосновение ядовитых щупалец его харизмы, тянувшихся к каждой сбившейся с пути живой душе.

Люк Бардел — бывший заключенный, признанный виновным в убийстве, а ныне основоположник того, что одни называли философией, другие религией, а Рэчел — культом. Человек, убедивший ее умирающую мать оставить «Фонду» двенадцать с половиной миллионов долларов и ничегошеньки единственной дочери.

Лет десять назад Рэчел, может быть, просто забилась бы в угол и дала волю слезам. Теперь — нет. Она вступила в борьбу и нанесла ответный

удар. И что же? Первый судья отказался рассматривать ее исковое заявление, нанятые адвокаты ушли в сторону, и поражение стало для нее настоящим холодным душем. Религия неподсудна. Святого невозможно привлечь к ответу. Составляя завещание, Стелла Коннери пребывала в здравом уме и твердой памяти, отдавала себе отчет в том, что умирает от рака груди, и самостоятельно приняла решение лишить наследства собственную дочь.

Одержав победу, «Фонд Бытия» повел себя с лицемерной до отвращения любезностью. Рэчел ведь не откажется посетить место, где ее мать провела последние дни и обрела вечный покой? Она сама сможет убедиться в том, какому благородному делу служат деньги Стеллы, и примириться с решениями как суда, так и ее матери. «Фонд», Народ Люка, будет только рад поделиться выпавшим на его долю благословением.

Рэчел скорее съела бы жареных гусениц. Чем-чем, а делиться деньгами, которые они обманным путем выманили у тщеславной, смертельно больной женщины, «Фонд» определенно не намеревался. В том, что мать и Люк были любовниками, Рэчел не сомневалась. Стелла набрасывалась на мужчин, как саранча на зеленое поле, и эта ненасытная жадность всегда пугала и отвращала дочь. Жертвой Стеллы мог стать любой мало-мальски симпатичный мужчина.

Таким, симпатичным и привлекательным, был, конечно, и Люк Бардел, мессия «Фонда Бытия».

А за то, чтобы спать с умирающей старушкой, ему очень неплохо заплатили.

Будь Рэчел готова смириться с поражением, она отказалась бы от гостеприимного предложения. Любая рассудительная женщина приняла бы как должное тот факт, что мать, уже отказавшая дочери почти во всем, в чем только можно, совершила последнее предательство. Она нашла бы новую работу, устроила собственную жизнь и отказалась от роли жертвы обездоленного детства.

Выбор. Перед ней снова стояла проблема выбора. Предпочесть гнев и месть? Или спокойное существование?

Она, наверное, остановилась бы на благоразумном, диктуемом житейской мудростью варианте, если бы не анонимное письмо. После того как это письмо, мятое, нацарапанное второпях, полное намеков и обвинений, оказалось в ее почтовом ящике, о реальном выборе говорить уже не приходилось.

У вашей матери не было рака. Ее убил один из Людей Люка. Может быть, Люк сам это сделал или, по крайней мере, дал приказ. В конце она поняла, что с ней происходит, но остановить его уже не могла. Приезжайте в лагерь, и я помогу вам найти доказательства против него.

Выбирать, в общем-то, не приходилось. Анонимное, написанное детским почерком, письмо подкупало искренностью и правдивостью. По крайней мере Рэчел хотелось в это верить.

Вот так гнев и решимость привели ее к воротам Санта-Долорес, к «Фонду Бытия». И к Люку Барделу.

— Люк, она здесь.

Он даже не шевельнулся. Он слышал, как они вошли, эти немолодые уже люди, профессионалы высокого класса, нашедшие здесь, в Санта-Долорес, ответы на поставленные жизнью вопросы и теперь употреблявшие свои финансовые знания и опыт во благо организации. Их называли Старейшинами, и они управляли «Фондом», словно солидной, уважаемой компанией.

А Люк управлял ими. Он лежал, раскинувшись, с закрытыми глазами, на прохладном, выложенном керамическими плитками полу и вдыхал сладковатый, резкий запах горящего шалфея. По телу бурлящими потоками разбегалась энергия, нервы натягивались, словно канаты, вены наполнялись живой, пульсирующей кровью. Эта энергия была его силой, его даром, и он распоряжался ею осторожно, бережно, никогда не растрачивая по пустякам.

Он не сразу понял, о ком они говорят, потом вспомнил. Дочь Стеллы. Та сухощавая, бледная, угрюмая женщина, с поразительным безрассудством попытавшаяся отнять у него деньги. Разумеется, у нее ничего не получилось. Старейшины полагали, что от нее стоит откупиться. Все-таки судебные разбирательства и обвинения, при всей своей несостоятельности и надуманности, — не самая хорошая реклама. А «Фонд Бытия» к публичности отнюдь не стремился. Они не искали новообращенных. Нуждавшиеся в том, что они предлагали, сами находили путь в Санта-Долорес. Рано или поздно.

Но Люк откупаться не захотел. Глядя на нее —

это аристократическое лицо, эти полные презрения глаза, этот пошитый на заказ костюм, — он чувствовал, как поднимается в нем то старое чувство. Чувство, которое вроде бы удалось изжить. Впервые за несколько лет ему бросили вызов. Впервые за несколько лет нашелся кто-то, готовый сразиться с ним не на жизнь, а на смерть. Впервые за несколько лет ему представлялся шанс проверить, не заржавело ли оружие, а заодно и доказать, что противостоять его силе, когда он сосредоточится по-настоящему, не может никто.

Он выманит Рэчел Коннери в Санта-Долорес и соблазнит ее здесь. Соблазнит духовно и эмоционально — разденет, изнасилует, опустошит. Овладеет ею. Как поступал со всеми другими.

Никаких колебаний, никаких угрызений совести Люк не испытывал. Кислую гримасу на ее бледном лице сменит выражение безмятежного блаженства. И при этом он не дотронется до нее даже пальцем.

Он никогда не спал со своими последователями. Насколько они знали, он вообще ни с кем не спал. Люк Бардел соблюдал целомудрие, придерживался вегетарианства, избегал наркотиков и алкоголя — короче, являл собой образец духовной и физической чистоты. Это было, так сказать, частью профессионального инструментария. Они все желали его. Люк Бардел знал это и пользовался этим. Он не спал ни с кем, и они верили, что могут обладать им совместно, мужчины и женщины, молодые и старые. Оставаясь желанным и недоступным, он удерживал их

в нужном состоянии: они видели только его, хотели только его и не замечали никого больше.

А ему только это и было нужно.

Любопытно, думал Люк Бардел, сколько понадобится времени, чтобы привести в их стан такую озлобленную, ни во что не верующую особу, как Рэчел Коннери. Он обращал в свою веру других — с этой тоже не должно быть проблем.

Вот только она была непохожей на других — это чувствовалось даже издали. Ее гнев коренился глубже. И ему это нравилось. Она бросала вызов, она сама была вызовом, уклоняться от которого он вовсе не намеревался.

Он открыл глаза, легко, без малейших усилий, сел, откинул назад длинные волосы, подобрал ноги и посмотрел на Старейшин.

— Благословенны будьте.

— Что нам с ней делать, Люк? — В свое время Альфред Уотерстоун руководил одним из ведущих онкологических исследовательских институтов страны. Выйдя в досрочную отставку, он стал стойким последователем Люка и теперь ведал финансовой стороной деятельности «Фонда». Его скрупулезность и внимание к мелочам граничили с маниакальностью.

— Примите как полагается, — ответил Люк мягким, хорошо поставленным голосом, достигавшим дальних углов комнаты. Голос был еще одним инструментом, пользоваться которым он научился весьма умело.

— Она хочет встретиться с тобой. Я сказал, что